

Гурский В. Е., Янушевич И. И. (Минск, УО «БГУ»)

**ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧЕНИЙ В БССР
(1920–1930-е ГГ.)**

Для понимания причин распространения нетрадиционных религиозных организаций и учений в Беларуси после установления советской власти необходимо

провести небольшой анализ состояния дел в жизнедеятельности доминирующих конфессий царской России, в первую очередь в Русской православной церкви (РПЦ). Стоит отметить, что внешние преимущества Православной церкви перед другими неославянскими течениями в дореволюционной России не отражали реальной действительности. Церковь была, по сути, порабощена самодержавием. В условиях начавшейся Первой мировой войны первоочередной задачей освобождения Церкви из бюрократических пут. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, Церковь не отвечала на острые вопросы времени, РПЦ отдаляла себя от людей. Наблюдалась политизация духовенства. Церковь не обладала должным потенциалом для противодействия распространению нетрадиционных религиозных учений и радикальных политических идей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а взамен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [1, с. 26]. Ни царь, ни его окружение не предприняли мер по укреплению авторитета Православной церкви и ее служителей, не осознали истинную ее роль в жизни российского народа. Между тем государство и Русская православная церковь практически на протяжении всей своей истории достаточно тесно взаимодействовали. Религия играла важную мировоззренческую роль. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [2, с. 168]. Игнорирование этого верховной властью привело к событиям 1917 г. и к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место в Советской России.

Следует отметить, что к началу XX ст. в центральной и западной части России кроме атеистов и православных, иудеев, католиков, лютеран, мусульман было большое количество приверженцев иных религиозных, в большинстве своем оккультно-мистических групп и лидеров, удививших мировоззрение граждан как от догматов традиционных конфессий, так и от основополагающих установок марксизма. Что касается непосредственно самих сект различных направлений и толков то возможно говорить об изучении только более менее крупных организаций. Следует отметить, что и российские ученые, и первые советские, не говоря уже об чисто антирелигиозных деятелях не проводили комплексного изучения данного вопроса. Рассмотрение тех или иных организаций через призму нависших над исследователями идеологических задач требует тщательного анализа и весьма критического восприятия многих положений их трудов. Да и в неистовом брожении умов граждан Российской империи достаточно сложно провести классификацию имевших место религиозных течений. Представляется, что наиболее удачно, уже основываясь и на предыдущих исследованиях, это сделал советский государственно-партийный деятель В. Д. Бонч-Бруевич. Автор разделил все имевшиеся секты на 2 группы: мистические (свободомыслящие) и рациональные (евангелики). [3, с. 165]. К первым он относил хлыстов, духоборцев, молокан, иеговистов, новоштундистов, толстовцев и иные многочисленные ответвления от этих сект. Ко вторым пришедшие с Запада протестантские деноминации (баптисты, пашковцы, редстокисты, евангельские христиане и их ответвления [3, с. 167].

На фоне хрустящих «в объятьях самодержавия нежных косточек Церкви» на поле конфессиональной жизни выходили неопротестантские направления баптистов, адвентистов седьмого дня, христиан веры евангельской и штундистов, впоследствии примкнувших к баптизму. В Россию протестантские организации начали проникать в 1820-е гг. В 1870-е гг. они, в частности баптизм, получили свое массовое распространение, в том числе и в Беларуси, в основном среди немецких колонистов и латышей. Первой была создана баптистская община в д. Уть Добрушского р-н. В 1905 г. там был построен первый молитвенный дом [4, с. 127]. Первые общины

пятидесятников, берущих начало от американской церкви "Ассамблея Бога", миссионеры во время Первой мировой войны. Популярность того же шундизма «среди части населения была вызвана простотой религиозного культа, благотворительностью и взаимопомощью внутри баптистских групп, поддержка со стороны зарубежных организаций» [5, с. 41].

Царское правительство всячески ограничивало деятельность нетрадиционных религиозных направлений, однако принятое в 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» и манифест «О даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, старобрядческих и других общин и о правах и обязанностях, входящих в состав общин последователей старобрядческих согласий и отделившихся от православия...» снимали с баптистов и евангелистов ограничения гражданских прав. Им разрешалось вести собственную документацию, открывать молитвенные дома и отправлять религиозный культ, но на местах власти по-прежнему препятствовали их распространению [5, с. 41].

Сразу после революции 1917 г. ситуация в государственно-церковных отношениях меняется кардинально. Провозглашенная новым политическим руководством страны борьба со всеми религиозными культурами на практике выражалась в агрессивном наступлении на Православную церковь. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. подрывал экономический базис традиционных конфессий и, по мнению протестантов, полностью удовлетворял их требованиям: «Свершилось поистине историческое событие: некогда «презренные сектанты» - баптисты оказались на равных условиях с некогда привилегированной православной церковью» [6]. В. И. Ленин и некоторые иные руководители партии видели в сектантстве, как в то время называли и протестантские течения, тактического союзника в борьбе с традиционными вероисповеданиями. Хотя процесс государственного прозелитизма в целом не коснулся иудеев и мусульман. Первоначально большевики косвенно поддерживали и Римско-католическую церковь. Вождь революции отношение к религии определял в подчинении ее практическим лозунгам, которые выдвигало политическое руководство. В протестантских доктринах присутствовала идея социального и экономического равенства. Лидер баптистов П. Павлов не исключал возможности союза с коммунистами. Частыми были случаи обращения лидеров протестантов с жалобами на действия местных властей напрямую к В.И. Ленину, который давал личные указания удовлетворять требования баптистов и евангельских христиан: «Исполком Витебской губернии получил указание отменить практику испрашивания разрешения на проведение молитвенных собраний евангельских христиан-баптистов» [7, с. 173].

Совсем по другому большевики относились к православию. Уничтожение экономического потенциала РПЦ началось уже 26 октября 1917 г., когда Декретом «О земле» Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [8, с. 13]. Под предлогом организации помощи голодающим Поволжья в первой половине 1922 г. было проведено практически полное ограбление храмов. Духовенство постоянно подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера. Их дети не могли получить образование выше начального, а за обучение вынуждены были платить непомерно высокий налог. Священнослужители, как «нетрудовой элемент», наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. Жилищные условия духовенства были чрезвычайно плохи. Даже митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек – глава Православной Церкви в Белоруссии – проживал в комнатке 3 кв. сажня [9, л. 73]. Материальное положение

православного духовенства было критическим. Даже митрополит Мелхиседек не платил налоги в связи с тем, что его доход был ниже минимальной налогооблагаемой планки. В графе «имущество» при его высылке в Сибирь было записано: «Отсутствует». Практически таким же было положение у всех городских священников. Они не могли быть даже членами потребительских обществ.

В 1927 г. Госстрахом резко увеличивается страховая взнос, особенно это касалось богослужебных зданий. В дополнение к этому местные органы пытались обложить храмы налогами всех видов. Духовенство было поставлено в прямую зависимость от приношений верующих в условиях катастрофического ухудшения экономического положения граждан, «раскулачивания» и изоляции «контрреволюционных» элементов. Православные клирики подвергались массовым арестам и высылкам. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной, стремящихся к разного рода нововведениям и решению личных интересов. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. Церковные суды были вне закона. С 1929 г. перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника», 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагерь [10, с. 300].

Самыми кровавыми были 1929–1933 гг., 1935 г. и 1937 г. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов. В целом по БССР к началу Великой Отечественной войны, скорее всего, к сожалению, по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [11, с. 179]. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» РПЦ практически полностью лишалась возможности осуществлять свою административно-хозяйственную деятельность. Священник не мог выступать от имени прихода. Он становился наемным работником. Управленческая функция ограничивалась увещанием верующих. С лета 1927 г. под различными благовидными предложениями регистрация и перерегистрация общин откладывалось на неопределенный срок. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храма. За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в 1936 г. осталось только 74, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения.

Еще одним направлением деятельности советского государства по развалу РПЦ были действия по разрушению единства Церкви, поддержка и инспирирование всякого рода расколов. В результате внешнего вмешательства во внутрицерковную жизнь в противовес патриарху Тихону в 1922 г. появилось так называемое обновленческое движение, а после подписания патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием в 1927 г. декларации «лояльности» было объявлено о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви. В республике действовало три почти равных по количеству приходов течения Православной церкви: обновленцы, сергиевцы и автокефалисты [12, л. 11]. Во внутрицерковной жизни наблюдался серьезнейший беспорядок. Противостояния различных групп подрывали авторитет Православной церкви. С начала 1930-х гг. политика «разделяй и властвуй» для большевиков уже перестала быть актуальной. К 1934 г. прекратило существовать обновленчество, к 1937 г. автокефалия.

Первая мировая война и последствия Октябрьской революции принесли неисчислимые бедствия и страдания народам Российской империи. Особенно пострадали западные регионы, где боевые действия проходили с 1914 г. вплоть до 1921 г. Сама ситуация, ломка привычного образа жизни, заставляла людей искать любые способы выживания и объяснения, в том числе и религиозного, всего происходящего в государстве и обществе. Касалось это и сферы государственно-церковных отношений. И если до 1917 г. конфессиональная принадлежность не только фиксировалась, но и в значительной степени регулировалась государственными

структурами, то после провозглашения свободы совести и главенства принципов воинствующего атеизма практически ничто не мешало распространению новых религиозных идей. Атеизм как главный постулат марксистского учения не захватил сколько-нибудь значительную часть населения. Именно отрицание Бога во многом отторгло население, особенно крестьян, от большевиков. Массовое истребление православных священнослужителей, закрытия храмов наталкивали тех же ждущих перемен крестьян на мысль о переходе в негнимоимые власти сектантство. Следует отметить, что лишь сформировавшиеся в начале 1920-х гг. свои административно-организационные структуры новые деноминации смогли сохранить и иметь широкое представительство. Главным образом это касалось протестантских организаций, располагавших опытными работниками и миссионерами, умевшими привлечь к себе простотой культовой практики, дружеской атмосферой, совместным эстетически подобающим времяпровождением. Ни гонимые религиозные организации, ни тем более комсомольские, кооперативные и т. д. с их сухой официозностью, пьянством, беспорядочными половыми связями и прокурными клубами не могли конкурировать в привлекательности для ищущих особ. Никто не умаляя духовный поиск, представляется, что для ищущих особ. социальным фактором. В обстановке полной неопределенности был большим фактором. В обстановке полной неопределенности, несоответствия различным благотворительным акциям, бесплатные обеды и т. д.» [13, с. 365].

Еще одна привлекательная сторона статуса сектанта – возможность избежать участия в кровопролитных боях в составе Красной Армии. 4 января 1919 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», в котором законодательно была установлена возможность прохождения альтернативной воинской службы или же полное освобождение от ее [14]. Такая возможность в условиях многолетней войны и невятной перспективе долгосрочного мира не могла не прельстить не только призывников, но и во многом в первую очередь их родителей. Каждый конкретный случай освобождения решался Объединенным советом религиозных обществ и групп, но в войсках и на призывных пунктах это отыгрывало свою дестабилизирующую роль.

В БССР баптистов, евангелистов и адвентистов к 1925 г. насчитывалось около 3,5 тыс. Цифру эту необходимо достаточно условно. В количественном росте были заинтересованы как в руководстве религиозных организаций, так в рядах антирелигиозников, что бы оправдывать необходимость усиления работы. Трудно поверить, что при достаточно сложной баптистской процедуре приема в церковь за год численность чуть ли не удваивалась. Если и принимать эти цифры критически, то рост все равно был внушительным. Тех же баптистов в БССР в 1925 г. было 7 групп, а в 1929 г. 27. [5, с. 43]. Естественно встает вопрос о качественном составе. Быть сектантом к сер. 1920-х гг. стало выгодно. Скорее всего невозможно как то определить даже приблизительно процент перешедших в те же протестантские общины по вере. Авторитетный исследователь баптизма Л.Н.Митрохин утверждает, что рост общин был искусственным, приводил к тому, в них попадали люди, которые «далеко не всегда соответствовали эталонам святости». Свою мысль он подтверждает цитатой из журнала «Христианин» за 1927 г.: «Церковь подвергается большой опасности «обмирщиться», стать светской церковью, подвергается опасности смешаться с миром» [13, с. 365].

Старшее поколение сектантских общин, закаленное противостоянием с властями, РПЦ, РКЦ, принявшее тот же протестантизм по искренним убеждениям растворялось в среде призванных ими «новых братьев». Тех же кулаков-сектантов интересовал личный интерес – власть, доходы. Община выступала как способ этого достичь, хотя нельзя никак отрицать и благотворительность зажиточных, и трудоустройство братьев по вере на собственных производствах. «Экономисты» не принимали активного участия в

миссионерской деятельности, редко посещали собрания и читали слово Божие. В любой организации подобные члены несут опасность разрушения, выдвигают и реализуют лозунги не согласующиеся с догматами, уставом, программой, а возникающие расколы могут приводить к появлению более радикальных групп.

К середине 1920-х гг. среди сектантского движения все четче выделились организации добившиеся успехов в формировании административно-управленческой структуры, а отсюда и вовлечение наибольшего количества приверженцев. М. И. Калинин утверждал, что в СССР не менее 10 млн. сектантов [15, с. 53]. В советской части до 1925 г. сектанты практически не преследовались, а до 1927 г. они свободно, в отличие от православных и католиков, проводили съезды, конференции, организовывали миссионерскую и издательскую деятельность [8, 200]. По официальным данным в 1926 г. в БССР действовали 49 сектантских общин, в 1930 г. – 89. К середине 20-х гг. у политического руководства страны окончательно сформировались взгляды о несостоятельности мнения о сектантах как о чем-то цельном и революционном. Несоответствие провозглашаемых сектантами лозунгов реальным антиправительственным действиям, противоречия между религиозной доктриной и государственной идеологией дали повод компетентным органам для начала репрессивных действий. 1926 г. стал поворотным во взаимоотношениях властей и сектантских организаций. Совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б) констатировало, что в «количественном отношении целый ряд сект являются массовыми организациями, насчитывающих в своих рядах миллионы членов» и «сектантство представляет собой мелкобуржуазное, главным образом крестьянское движение, и большим влиянием в нем пользуются буржуазно-кулацкие элементы» [13, с. 51]. Однако деятельность протестантских общин было практически невозможно контролировать. Дальнейшее административное давление на сектантов привело к тому, что большая их часть стала сбродиться и действовать нелегально, а верующие вынуждены были тщательно скрывать свои религиозные чувства.

Сделанная попытка проанализировать отдельные аспекты причин изменения количества религиозных организаций и числа их приверженцев не позволила дать однозначный вопрос на главный вопрос: «Почему в государстве провозгласившим борьбу со всеми религиями и избравшим атеизм как основополагающую мировоззренческую позицию нетрадиционные культуры смогли найти благоприятную почву для своего развития?» Можно проводить некоторые аналогии с 1990-ми гг., когда крах коммунистической идеологии, советского строя образовал громадный духовно-нравственный вакуум, который бросились заполнять различные окултно-мистические группы и деятели. Одно можно сказать однозначно, влияние на процесс распространения нетрадиционных религиозных организаций и учений последствий кардинальных большевистских социально-политических преобразований, изменения системы образования, разрушения традиционного института семьи, бесспорно. Неокульти и в 1920-е гг., и в 1990-е гг. находят современные, доступные и эффективные способы работы с адептами. Здесь важно отметить, что традиционные конфессии силами государственных органов были обескровлены, официальные властные идеологические установки не удовлетворяли запросов граждан, а скорее были им диаметрально противоположны. Социально-бытовая неустроенность, отсутствие видимых перспектив достижения желаемого уровня собственного положения очень часто вызывают у людей стремление уйти от реальной действительности или найти решение вопроса в нематериальном мире. Вместо долгой и трудной работы над собой многие поддавались соблазну получить все и практически сразу у различных «гуру», «мессий», «учителей». Стоит отметить, что советские сектоведы и ответственные антирелигиозники в рамках построения сталинской идеологической системы так и не смогли разобраться в хитросплетениях сектантского движения и в 1930-е гг.

«зачистили» всех. Между тем разнородность сектантского движения в исследуемый период была колоссальной. Неправильными являются попытки смешивания всех в однородную массу.

- Список литературы
1. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008.
 2. Кузнецов, С. В. Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. – 168–182 с.
 3. Бонч-Бруевич, В. Д. Избранные сочинения: / В. Д. Бонч-Бруевич. В 2 т. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 1.
 4. Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси. – Мн., 2000.
 5. Дьяченко, О. В. Формирование протестантского меньшинства в восточной Беларуси в конце XIX – первой половине XX века / О. В. Дьяченко // Этнография Белорусского Поднепровья. Материалы научной конференции: Могилев, 30 ноября – 1 декабря 1999 г. / МГУ. – Могилев, 1999. – С. 40–50.
 6. Братский вестник. – 1977. – № 2.
 7. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: Баптист, 1989.
 8. Первые Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979.
 9. Государственный архив Минской области. Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 40.
 10. Протко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протко. – Минск: Тесей, 2006.
 11. Навіцкі, У. І. Змена канфэсіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. XX-га ст. / У. І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі. В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. — Мінск: Экаперспектыва, 1998.
 12. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2786. – Оп. 1. – Д. 339. Л. 11.
 13. Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность / Л. Н. Митрохин. – СПб.: РХГИ, 1997.
 14. Религия и право. – 1998. – № 1–2.
 15. Алексеев, В. А. Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В. А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992.

Лебедев А. Д., Пичуков В. П. (Гомель, УО «ГГУ им. Ф. Скорины»)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 1920–1930-Х ГГ.

До 1917 г. Русская православная церковь (РПЦ) была господствующей церковью в государстве. Она пользовалась покровительством, финансовой и административной поддержкой со стороны властей [1, с. 110–111]. Православие являлось также и самой массовой конфессией в Российской империи. Например, по данным за 1914 г. в Гомеле и уезде из 450 тыс. жителей – 338 тыс. (75 %) были прихожанами РПЦ. В основной своей массе это было сельское население, т.к. в городах преимущественно проживали иудеи [2, с. 46–47].

Октябрьская революция 1917 г. и приход к власти большевиков коренным образом изменили положение РПЦ. С одной стороны, она лишилась своего главенствующего положения и поддержки государства. С другой стороны, православная, как и все остальные церкви в ходе национализации утратила все свое имущество: земли, капиталы, недвижимость, ценности и т. д.

Изменение положения православного духовенства.

После революции духовенство лишается государственных субсидий, регулярно жалования, права пользования землей и т. д. Священники живут исключительно за счет денежных и материальных пожертвований от населения [3, л. 4].

В новых условиях ограничивается передвижение духовенства по территории страны при отпращивании пастырских функций. Для приезда в какой-либо населенный пункт необходимо было получить разрешение местной власти. Например, в 1928 г.